

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора архитектуры доцента

Михаила Викторовича Дуцева

на диссертацию **Марии Михайловны Ильевской**

**«ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ АРХИТЕКТОРА
В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН (НА ПРИМЕРЕ
ТВОРЧЕСТВА АРХИТЕКТУРНОГО БЮРО ТПО «РЕЗЕРВ»)**,

представленную на соискание ученой степени кандидата архитектуры по специальности 2.1.11 – Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

На отзыв были предоставлены следующие материалы: текст диссертации в одном томе общим объемом 196 страниц, включающий введение, три главы, заключение, рекомендации и перспективы разработки темы, перечень публикаций автора по теме исследования, список литературы (109 источников) и список используемой терминологии; второй том объемом 100 страниц, включающий приложения с краткими описаниями творческих работ ТПО «Резерв», избранные материалы проекта внедрения, приложения с основными материалами графической экспозиции, автореферат диссертации.

Актуальность проведенного исследования определяется, прежде всего, необходимостью согласованного развития теории и практики архитектуры в современных условиях, что, безусловно, требует пристального изучения мировоззренческих позиций зодчего и профессиональных реакций на социокультурные изменения. К таким наиболее значимым относительно недавним историческим поворотам относится смена в РФ социалистической системы на капиталистическую и последующие преобразования. Важно увидеть эти локальные изменения в контексте глобальных мировых процессов в перспективе профессии. Еще важнее обнаружить и зафиксировать сущностные фундаментальные понятия и живые тенденции, оценить их проявления в творчестве конкретного архитектурного бюро, в качестве которого выбрано ТПО «Резерв» как яркий представитель российского архитектурного мира. Вместе с этим, актуальна сама целостная принципиальная система профессионального мышления, саморазвития и рефлексии в архитектуре и в архитектурном образовании.

В связи с этим, ставится комплексная **цель исследования**, определяющая два взаимосвязанных вектора: выявление особенностей процесса формирования профессионального мировоззрения архитектора в упомянутых выше условиях, и разработка принципиальных подходов к исследованию современного архитектурного творчества. **Поставленные задачи исследования** формируют методологически обоснованную систему достижения цели и состоят в определении предпосылок профессиональных изменений и анализе творчества архитектурной мастерской ТПО «Резерв» в контексте выявленных перемен, в нахождении свойственных изучаемому бюро профессионально-мировоззренческих особенностей с разработкой теоретической модели, в поиске структуры и содержательной основы программы изучения

профессионального мировоззрения архитектора в периоды радикальных социокультурных изменений.

Диссертация отмечена всесторонней характеристикой состояния изученности вопроса и проблемного поля исследования с привлечением развернутой и хорошо структурированной теоретической базы.

Научная новизна исследования не вызывает сомнений и состоит в комплексе дополняющих друг друга теоретических положений. Впервые соотнесены творческие установки России и Запада 1990-х–2010-х гг. в свете архитектурной теории и ее прорастания в проектной практике. Рассмотрено творчество российской архитектурной компании с помощью авторской исследовательской оптики, собирающей воедино мировоззренческую систему архитекторов, конкретные факты о проектах и постройках, мировой контекст, работу и значение опорных теоретических понятий. Впервые предложена программа комплексного изучения мировоззренческой основы архитектурной деятельности в аспекте влияния на нее социокультурных изменений и условий межсистемного взаимодействия. С подробной методически выверенной теоретической разработкой данных позиций, проведенной автором в диссертации, связана ее **теоретическая и практическая значимость**. Результаты системного анализа меняющегося профессионального мировоззрения российского архитектурного сообщества в 1990-е–конце 2010-х гг., периодизация творчества ТПО «Резерв», его особенности и реакции на происходящие изменения, концепция программы исследования профессионального мировоззрения архитектора в условиях социокультурных изменений различной природы составляют **положения, выносимые на защиту**.

Обоснованность и достоверность разработанных положений не вызывают сомнений, так как базируется на взаимосвязанном анализе обширного теоретического и проектного материала, подтверждается авторским концептуальным моделированием, тесным сотрудничеством непосредственно с ТПО «Резерв», внедрением в выставочную и образовательную деятельность, а также апробированы на научных и научно-практических конференциях МАРХИ и НИИТИАГ, в публикациях соискателя.

Глава 1 посвящена предпосылкам изменения профессионального мировоззрения архитектора в России рубежа XX-XXI вв. Автор разрабатывает проблемное поле исследования, выделяя ряд опорных моментов, в которых зафиксированы существенные противоречия и происходят наиболее влиятельные трансформации. Реализации этой важной задачи сопутствует настройка авторской оптики, что позволяет на протяжении всего дальнейшего знакомства с материалами диссертации решать задачи в установленных теоретических координатах. В первую очередь намечаются контуры современного «архитектурного быта», объединяющего исследовательские, профессиональные, образовательные, информационные сферы архитектуры – те области, в которых в отечественных реалиях, действительно наблюдается превалирование визуального языка над вербальным. Исторические, ментальные и поведенческие причины указанного дисбаланса понятны, равно, как

объяснимы и некоторые схожие критические зоны, о которых пишет соискатель: вопросы содержательного назначения архитектурного объекта и целеполагания в профессии.

Параллельно в работе разбираются те непростые исторические ситуации, в которых происходили и происходят социально-политические, экономические, технологические, коммуникативные и эстетические метаморфозы перехода на капиталистические рельсы. Отдельный сюжет связан с экологической повесткой как одной из определяющих величин философии проектного творчества, относящийся к выбору истинных ценностей. В совокупности и сопоставлении указанных проблематик вырисовывается и убедительно обосновывается автором работы существенная общая проблема, которую можно безошибочно определить, как системное отставание теоретического знания в архитектурной практике, недостаточный интерес к исследовательской и концептуальной части у архитекторов, что уже стало не самой обнадеживающей традицией и реальностью.

В главе 2 представлена эволюция творческой линии бюро «Резерв» в контексте мировоззренческих изменений, глобальных и локальных. Предложена периодизация творчества, откликающегося на различные мотивы и процессы, происходящие внутри организации и снаружи, под влиянием общемировых и внутрироссийских процессов. Ценно, что в исследовании постоянно прослеживается связь так называемых вызовов и ответов на них с общефилософскими сдвигами и иррациональными реакциями со стороны творчества команды. Так, описан постепенный отход от строгих канонов модернистской модели в пользу постмодернистского типа мышления и соответствующих приемов. При этом интерес вызывает узнаваемая стилевая направленность и эстетическая канва рассматриваемых объектов, сохраняющих адресную строгость, видимую упорядоченность, композиционный и цветовой лаконизм.

В этом плане найденные автором диссертации ключи к вскрытию и прочтению многослойной наполненности архитектуры, в том числе, и в проекции «транспарентных» идей кажутся, пусть и не бесспорными, но концептуально интересными. Кстати, соискатель также не обходит вниманием и некоторые, на ее взгляд, не вполне целостные стороны работ ТПО «Резерв», что может быть поводом для дальнейшей профессиональной дискуссии. Словно предвидя такую возможность, М. Ильевская освещает несколько отличающиеся творческие позиции членов коллектива, что задает необходимый объем и уместную «прозрачность» самого хода исследования.

Идея творческой автономии, как во многом следует из сказанного выше, далеко не случайный фактор в работе бюро, также, безусловно, связанный с личностью и особенностями профессионального кредо главного архитектора В.И. Плоткина. Не случайно, последовательно анализируя объекты, М. Ильевская логично подводит к моменту вызревания и кристаллизации узнаваемого «высокого» стиля мастерской, в котором существенную роль берет на себя художественная автономия и, как следствие, автономизация «оболочки» проектируемого здания. Впрочем, этот прием, как отмечает диссертант,

используется достаточно универсально, для решения разнонаправленных задач. Вполне закономерная черта времени. Вообще, отношения ядра авторского подхода и выработанного (или вырабатываемого) языка с глобальными трендами каждый раз рождает свой особый союз или диалогическое единство разного качества.

Примером может служить проявляющееся в ряде объектов монументальное начало, адресующее к концепции «бигнесс» Р. Коолхааса. Весьма красноречивым в своей специфике выглядит использование цифровых инструментов, особенно, на стадии их внедрения, когда компьютерные методы способствовали появлению цифровых этюдов как самостоятельного и одновременно эмблематичного творческого эксперимента. Экологическая направленность, наоборот, в художественно-образном плане проявилась в достаточно ожидаемом, распространённом сегодня русле, но в функциональном – нашла крепкое концептуальное выражение.

В результате главы зафиксировано три преобладающих этапа творчества бюро, при этом качественно отличающихся своими характеристиками: 1987/1995-2003 гг. (жилой дом в проезде Загорского, спортивно-оздоровительный и жилой комплекс в Татаровской пойме и др.); 2004-2011 гг. (комплекс административных зданий правительства Москвы и Московской городской думы, здание Федерального арбитражного суда Московского округа, офисный комплекс ОАО «Аэрофлот – Российские авиалинии»); 2012-2019 гг. (жилой квартал «Сколково Парк для жизни», многофункциональный комплекс «Лица» парламентский центр Российской Федерации).

В главе 3 автор работы обобщает и формулирует ответы на две крупные целевые установки исследования. В первую очередь обозначаются особенности профессионального мировоззрения творческого коллектива в современных ему условиях, что показано соискателем в «профессионально-мировоззренческой модели», согласно выбранной и обоснованной в начале исследования структуре пяти сфер бытия. При этом указываются соответствия и несоответствия установок ТПО «Резерв» по ключевым для работы концептуальным позициям, таким как теоретическая рефлексия, целеполагание, «транспарентность», ценность природного и другим. Также интерес представляют две стратегии преодоления рубежных этапов истории: инерционное сохранение приобретенной базы, поведение по определенным привычным сценариям и преднамеренные ответы на новые вызовы, что зафиксировано в качестве двух соответствующих типов реакций на социокультурные коллизии: пассивные и активные.

Характерным явлением здесь становится проанализированный автором механизм «отталкивания» с целью самосохранения и самоидентификации, ведущий к разным формам автономии. Это явление неоднозначно оценивается диссертантом, однако, признаем, поднятая проблема сама по себе имеет серьезный потенциал для фундаментальных и прикладных разработок. По итогу изучения работ бюро «Резерв» сформулированы характерные подходы к созданию архитектуры и организации проектного дела: синкретизм, «born-

digital», «эффективный символизм», принцип «трансферов», принцип «рубашки», «эстетизация неизвестности».

Второй крупный блок, который находит завершение в главе, связан с оформлением авторской концепции исследовательской программы «Мировоззрение зодчего в условиях межкультурного взаимодействия», основанной на интеграции архитектурной теории и практики по ряду направлений: саморазвитие зодчества, поиск инноваций, профессиональное образование. Неоспоримую ценность имеет не только идеологический каркас программы, но и развернуто представленный опыт ее внедрения и апробации в МАРХИ и в разноплановой деятельности ТПО «Резерв».

В целом, прочитываемый в главе авторский подход, нацеленный на возрождение особой ответственной миссии архитектора и учет феноменологической сущности архитектуры, следует поприветствовать.

Настоящая работа представляется ценным опытом научного осознания мировоззренческих трансформаций в сегодняшнем профессиональном поле, погруженном в круговорот проблем и в постоянный диалог противоположных полюсов притяжения. Отсюда совершенно закономерны и объяснимы логика и считываемый, в каком-то смысле, «гибридный», дух исследования, которые в самом общем виде могут быть поняты как одновременное нахождение внутри и снаружи профессии, в постоянном переходе, из теории в практику и обратно. В этом плане столь ценные для мировоззренческих установок отечественного архитектора-художника понятия автономии, эстетики фасада, самодостаточности формы в качестве цельного высказывания, персонального обустройства своего творческого уклада – «профессионального быта» – дополняются важными сущностными понятиями «транспарентности», «инстантности», культурного трансфера, биндера. При этом некая неопределенность и зыбкость, «открытость» последних также является символической, что связано как с недостаточной их изученностью, интегрированностью в актуальный российский опыт, так и с потенциалом их дополнения новыми ситуативными смыслами. Касательно недостаточной сформированности архитектурных программ, концептуального замещения назначения функцией, о чем неоднократно пишет соискатель, можно, вероятно, поспорить, что, в свою очередь, не указывает на недостатки исследования: дискуссионность некоторых положений ожидаема и даже необходима для раскрываемой на недавнем опыте «живой» темы.

Фиксация внимания на развитии понятийного аппарата архитектурной теории и практики следует отнести к существенному авторскому вкладу. Ключевым и как бы сквозным среди всего круга опорных терминов автором, безусловно, мыслится понятие «прозрачности», совершенно корректно употребляемое в исходном англоязычном варианте «transparency». Как пишет Ильевская, обозначенное понятие предполагает «проницаемость пространства и времени, преодоление их границ... единовременное присутствие «на едином фасаде». Исторически появление термина относится к концу 50-х годов прошлого века и связано с именами К. Роу и Р. Слущки, которые сформулировали его по итогу изучения работ кубистов как концептуальное

предвидение новой «эkleктики» и движения к коллажу. Здесь было бы интересно более подробно сопоставить значение понятия для постмодернистского дискурса с более классической версией в отечественном архитектуроведении (к примеру, И.А. Добрицыной фиксируется, что постмодернистский поворот был подготовлен проекцией философии и лингвистики). Впрочем, соискатель вовремя предупреждает нас о том, что понятие прошло фазы своего развития и встраивания в проектную методологию за рубежом и мало знакомо отечественному архитектору или исследователю. Иной раз посредством упоминания «транспарентности» соискатель хочет решить относительно частные задачи, например, доказать постмодернистскую, а не модернистскую, природу ряда архитектурных объектов – эпизод, иллюстрирующий еще одно свойство понятия – масштабируемость, о чем свидетельствует его употребление в разных случаях в тексте диссертации.

Признаем, что сегодняшнее звучание термина, прошедшего свою эволюцию и обросшего разными значениями вне российского контекста, не сразу и не во всей полноте раскрывается для понимания и принимается нами. Одно из видений транспарентности допустимо связать с оппозицией давления композиционной логики, допуском иррациональных образов, концептов, в том числе, приходящих из других контекстов, областей знания, из прошлого или, возможно, из будущего... Апеллируя к транспарентности как к способу трансляции неоднозначности и метафизической проницаемости архитектуры, концептуальной глубины и сложности, мы можем, вероятно, развивать и создавать сложно и целостно связанные с проектом и реализацией, а также делать более жизнеспособными творческие концепции архитекторов – своего рода синергия, позволяющая в архитектуре добиться единовременной прозрачности концепции и замысла, голосов разных контекстов, профессионального языка. В такой интегральной трактовке рассмотренный термин представляется весьма полезным и своевременным. И, конечно, еще более заманчивым и желаемым видится некое символическое значение транспарентности как необходимого присутствия архитектурной теории в форме авторской программы, концепции, интуиции в любой практической реализации.

Предложенная диссертация как структурированная интегративная модель исследования архитектурного мировоззрения российского зодчего, представляется ценной, заслуживает внимания и одобрения. Подобные изыскания пока еще непривычны для отечественной науки, так как основываются на материале ныне действующего архитектурного бюро. В этом ракурсе работа предстаёт отчасти формой профессиональной саморефлексии, столь необходимой сегодня. Это, своего рода, новая формация профессиональной критики в виде научного исследования, с полноценной исследовательской оптикой и научным аппаратом. Предложенный авторский подход побуждает задуматься о возможностях проецирования теории на практику и, одновременно, о проблеме бытования теоретического в проектном деле, в «архитектурном быте» отечественного архитектора или целого проектного бюро. Безусловно, здесь, на этом динамическом перекрестке,

актуализируются явные нестыковки, издержки, «трудности перевода» и определенные допуски, что также может считаться важным опосредованным результатом проведенной работы. Во многом это обусловило большой процент критики в работе, что не характерно и ново для отечественного архитектуроведения. Все указанное выше еще раз подчеркивает методологическую состоятельность и значимость работы, в которой содержательный каркас исследования удерживается, проявляется и осмысливается во всех ее частях.

Основные результаты и выводы соответствуют поставленным задачам исследования. Текст написан профессиональным научным языком.

Графические приложения наглядно демонстрируют основные позиции работы, сопровождаются авторским теоретическим моделированием.

Автореферат диссертации отражает ее основные положения, имеет четкую структуру.

Основные результаты исследования представлены в **15** публикациях, в т. ч. **3**, в изданиях, рекомендованных ВАК РФ при Минобрнауки, **1** статья – в изданиях, входящих в международные реферативные базы Scopus и WoS.

В целом работа представляется полным, завершенным, выполненным на актуальную тему исследованием, отражающим мировоззренческий комплекс ответов архитектурной теории и практики на возникающие цивилизационные социокультурные и профессиональные вызовы в их динамике. Как и любой серьезный труд, представленная диссертация не только отвечает на вопросы, но и ставит их перед научным и профессиональным сообществом, открывая перспективы будущим исследованиям.

По диссертации имеются следующие **замечания и рекомендации**:

1. Было бы полезно дать более развернутое сравнение ключевого для работы термина «транспарентность» с иными известными, соседствующими понятиями постмодернистского ряда: коллаж, ризом, палимпсест.
2. В работе не упоминаются исследования А.В. Рябушина (двухтомник «Архитекторы рубежа тысячелетий») и исследования А.А. Худина (диссертация на соискание ученой степени доктора наук «История теории постмодернизма»), которые представляются близкими по духу в области анализа творческих концепций архитекторов и изучении теоретических оснований постмодернистской оптики соответственно.
3. Выводы по первой главе исследования выглядят излишне краткими, отсутствует их нумерация, которая применяется в выводах по следующим главам.
4. Погружение автора диссертации в теорию, увлеченность и исследовательский азарт порой рождает не вполне уместную в научной работе критику. Следует помнить, что выявленные и доказанные в работе критические моменты в творчестве ТПО «Резерв» (особенно, зафиксированные в третьей главе) присутствуют именно в оптике предложенного научного аппарата. Применительно к архитектуре, как и к творчеству вообще, критика не может быть до конца объективной.

5. Рекомендация: выделенным во второй главе периодам в творчестве ТПО «Резерв» представляется возможным дать адресные названия.
6. Рекомендация: учитывая серьезный научный пласт (связанный с подробной разработкой теоретических понятий), поднятый в работе, было бы уместно выделить данный исследовательский блок постановкой соответствующей задачи и представить в качестве отдельного теоретического вывода.

Диссертационное исследование М.М. Ильевской соответствует пунктам 1, 4, 6 направлений исследований паспорта научной специальности 2.1.11 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия».

Указанные замечания не снижают ценности диссертации, которая является законченным исследованием и соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года. Автор диссертации – Ильевская Мария Михайловна – достойна присуждения ученой степени кандидата архитектуры по специальности 2.1.11 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия».

Официальный оппонент:

Доктор архитектуры, доцент,
заведующий кафедрой
дизайна архитектурной среды
ФГБОУ ВО
«Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет»

Михаил Викторович Дущев

Подпись руки Дущев М.В. заверяю 09.12.2015
Отдел по работе с персоналом Ильинская С.В. Шудманова

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет»
603950, Нижний Новгород,
ул. Ильинская, 65, корпус 6.

e-mail: nn2222@bk.ru
тел. 8 831 433-05-52